

Свет в зале погас, и небольшое помещение было заполнено людьми. Участники вечеринки стояли вокруг высоких столиков, их взгляды были устремлены на сцену. Сяо Жофэй нашёл свободное место, заказал бокал шампанского, и вечеринка началась.

Как организатор, Бай Яньнань, естественно, занял центральное место под софитами. На нём был чёрный длинный халат, доходивший до ступней, с вышитыми серебряными нитями журавлями на груди, казавшимися готовыми взлететь. Этот наряд был достаточно формальным и выделяющимся, но при этом соответствовал тематике, создавая впечатление чего-то изысканного.

Его вступительная речь явно была тщательно подготовлена, она была уместной и вдохновляющей, возвышая его самого, но при этом не ущемляя достоинства других компаний. После речи он вручил несколько специальных наград, таких как «Вклад года» и «Самая популярная продюсерская компания». Сяо Жофэю это казалось несколько забавным, но те, кто получал награды, были действительно известными людьми, обладающими реальной популярностью.

Бай Яньнань старался быть справедливым, уделяя внимание каждой компании, представленной на мероприятии. Каждая из них получила свою долю наград и внимания.

Сяо Жофэй, однако, чувствовал себя здесь несколько неуместно.

Его задача была проста: оставаться незаметным, когда это было нужно, дожидаться окончания речи Бай Яньнаня, вручения наград, обменяться парой слов с присутствующими, сделать несколько фотографий с Бай Яньнанем, и на этом всё.

Шум и веселье принадлежали другим, а не ему.

Прошло чуть более семидесяти двух часов с тех пор, как он покинул Байшуй, и ему уже хотелось вернуться туда, к своим людям.

Он немного скучал по ним.

Примерно через час занавес на сцене закрылся, и свет в зале загорелся снова, ослепляя Сяо Жофэя. После долгого дня, выпитого алкоголя и смены часовых поясов, его веки буквально слипались. Видя, что Бай Яньнань всё ещё окружён людьми и не может уделить ему внимания, он сел на диван и начал бесцельно листать телефон, ожидая.

В это время в Китае было утро, и все дела компании он уже завершил. В групповом чате съёмочной группы было тихо, и Сяо Жофэй предположил, что все, возможно, завтракают или готовятся к съёмкам. Он написал: [Всё ли в порядке?], затем вышел из чата и открыл диалог с одним человеком.

После вчерашнего видеозвонка Гу Чуньлай не отвечал. Сяо Жофэй не знал, как прошла сцена с поцелуем, и были ли у Гу Чуньлая какие-то проблемы. Но даже если они были, он знал, что Гу Чуньлай не обратится к нему. Тот всегда говорил, что в актёрской игре и написании сценариев самое важное — это борьба с самим собой. Если что-то не получается, никто не сможет помочь.

Когда Гу Чуньлай говорил это, он всегда ускорялся, и в конце его щёки раздувались, что выглядело довольно забавно, хотя он сам этого не замечал. Даже мысль об этом заставила Сяо Жофэя улыбнуться.

Он продолжал листать переписку, как вдруг услышал, что с ним кто-то заговорил, и поспешно

поднял голову, чтобы поприветствовать.

Перед ним стоял Бай Яньнань, а рядом с ним — Дай Цзян из компании «Шэньту». Неизвестно, как Бай Яньнань избавился от толпы, но он нашёл Сяо Жофэя, который прятался в углу и играл с телефоном.

— Сяо Жун, что-то вы слишком веселы сегодня, — с хитрой, как лиса, улыбкой сказал Дай Цзян, заглядывая в экран телефона Сяо Жофэя.

Сяо Жофэй выключил телефон и положил его в карман:

— Простите, не заметил, что вы подошли.

— Сяо Жун, сегодня вы выглядите очень... элегантно. Может, позже пойдём куда-нибудь развлечься?

На Сяо Жофэе не было пиджака, только обычная рубашка и брюки, но на нём был оберег, подаренный Гу Чуньлаем. Тонкая красная нить обвивала шею, спускалась к воротнику, затем выходила с обеих сторон и закреплялась на пуговицах, так что оберег аккуратно лежал на груди. Эта нить напоминала ожерелье или узор на рубашке, закреплённый рубиновой заколкой для галстука. С первого взгляда это могло показаться странным, но при более внимательном рассмотрении добавляло рубашке изысканности, даже с оттенком эротизма.

Сяо Жофэй никогда не стеснялся демонстрировать свою привлекательность. Он знал, что выглядит хорошо. Но с Дай Цзяном «развлекаться» он не собирался. Когда они только познакомились, тот постоянно пытался его соблазнить, и даже после того, как Сяо Жофэй неоднократно заявлял, что интересуется только отношениями, а не случайными связями, Дай Цзян продолжал напоминать об этом. Позже он начал вкладывать деньги в фильмы «Цаньсин», и, видя красивых актёров и актрис, постоянно пытался их соблазнить. Сяо Жофэй старался защищать своих актёров, но иногда те поддавались, а потом их бросали.

Связываться с таким человеком — настоящее несчастье. Если бы не деловые отношения, он бы давно порвал с ним все контакты.

— В прошлый раз мы не успели поговорить, Сяо Жун. Как зовут того красавчика, который тебя увёл?

«В прошлый раз». Сяо Жофэй даже представить не мог, что человек, который подсыпал ему наркотики, будет говорить о прошлом без капли стыда.

Но этот человек был инвестором. Лучше потерпеть, чем из-за мелочи портить отношения. В конце концов, самое важное — это съёмки, результат. Нельзя из-за сиюминутного порыва создавать проблемы для других.

Сяо Жофэй честно ответил:

— Того человека зовут Гу Чуньлай, он мой однокурсник, а сейчас играет главную роль в «Сказании, учении, шутках и пении» и занят съёмками в Байшуге.

— О, так это он, сын Лян Хоюэ, верно? — Дай Цзян явно был подготовлен. — Финал кастинга для «Сказания, учения, шуток и пения» вы мне не показали.

Сяо Жофэй с трудом сдержал раздражение:

— Вы же знаете, процесс отбора был непростым. Он был самым подходящим кандидатом, поэтому мы сразу утвердили его.

— Но этот Гу Чуньлай не имеет известности, у него нет работ. Его мать давно умерла, и она уже не имеет влияния.

Сяо Жофэй сжал кулак, его взгляд стал холодным.

Бай Яньнань, видя, что Сяо Жофэй закипает, встал перед ним и добавил:

— Он снялся в нашем крупном проекте «Два города». Он талантливый актёр, много лет играет в театре, и рано или поздно станет знаменитым.

Дай Цзян всё ещё сохранял спокойствие, не собираясь отпускать Сяо Жофэя:

— Сяо Жун, вы что, с ума сошли? Мои деньги не с неба упали. «Два города» могут быть популярны, но до вашего фильма ещё год. Ваш звёздный актёр к тому времени всё равно будет никому не известен...

Не дожидаясь, пока он закончит, Сяо Жофэй резко ответил:

— Зарабатывать можно разными способами.

— Но я слышал, что сын Лян Хоюэ, как и она сама, не сдаётся ни при каких обстоятельствах. С такими людьми весело играть. Может, Сяо Жун, вы уступите его мне, и мы поквитаемся?

Сяо Жофэй молчал, сидя на месте, словно вулкан, готовый извергнуться. Примерно через полминуты он резко встал, взял бокал и шаг за шагом приблизился к Дай Цзяну.

— Господин Дай, мы сотрудничаем много лет. Если нет дружбы, то хотя бы уважение должно быть. Ваше внимание к фильмам «Цаньсин» я очень ценю.

Обычно весёлый и улыбчивый, сейчас он был напряжён, губы сжаты в тонкую линию, пальцы, сжимающие бокал, дрожали и побелели. Он слегка наклонился, протянул руку, наклонил бокал и медленно, словно нож, прижал свой бокал к бокалу Дай Цзяна.

— Если наше сотрудничество не сложится, я буду сожалеть. Но впереди ещё много времени, и никто не знает, что будет.

Дай Цзян не чувствовал дыхания Сяо Жофэя, даже его самого. Перед ним, казалось, висел плотный слой пороха, готовый взорваться при малейшей искре.

— Но сейчас он актёр «Цаньсин». И где бы он ни был, с кем бы ни работал, я всегда буду считать его своим актёром.

С этими словами раздался звон, и кожа мгновенно стала влажной. Дай Цзян опустил взгляд и увидел, что два узких бокала для тюльпанов разбились в руке Сяо Жофэя, острые осколки порезали пальцы, вонзились в ладонь, но он даже не моргнул. Золотистая жидкость медленно стекала, смешиваясь с алой кровью, образуя густой розовый оттенок, который скользил по рукаву, пропитывая одежду. Запах железа и алкоголя смешивался, заполняя ноздри обоих и распространяясь вокруг.